НОВЫЯ КНИГИ:

Алексѣевъ, В. **Земскіе соборы и народное представительство.**

Цѣна 7 коп.

Врачъ Виноградова-Лукирская, М. И. **Бесѣда о холерѣ.**

Цѣна 7 коп.

Дживелеговъ, А. К. **Ростъ предетавительныхъ учрежденій на Западѣ.**

Цѣна 10 коп.

Крюковъ, Н. А. **Праздники древонасажденія,** какъ ихъ устраивать и какъ заводить посадку.

Цѣна 15 коп.

Крюковъ, Н. А. **Чѣмъ живетъ и на чемъ зиждется сельское хозяйство.**

Цѣна 15 коп.

Луницъ, М. **Фабрикантъ и рабочій.**
Двѣ жизни. Цѣна 10 коп.

Миллъ, Д. С. **Избирательныя права женщинъ.**
Переводъ Н. Мировичъ. Цѣна 10 коп.

Новикъ, И. Д. **Московскіе земскіе соборы.**

Цѣна 15 коп.

Тищенко, Ѳ. **Люди темные.**
Быль, разсказанная крестьяниномъ.

Цѣна 10 коп.

Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль.
(По Шиллеру). Цѣна 10 коп.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ н/Д., Воронежѣ, Варшавѣ, Екатеринбургѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ, Нижегородской ярмаркѣ.

Современная Библіотека.

В. Алексѣевъ.

Земскіе соборы
и
НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 7 коп.

В. Алексѣевъ.

Земскіе соборы и народное представительство.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. Москва, 4 августа 1905 года.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ
МОСКВА.—1905.

Земскіе соборы и народное представительство.

Когда во Франціи конца XVIII вѣка правительство истощило всѣ собственные рессурсы для уврачеванія политическихъ недуговъ страны, которая доведена была до полнаго разоренія и анархіи, то пришлось обратиться къ общественному содѣйствію, вывести страну изъ тяжкаго кризиса при помощи населенія. Тогда вспомнили о старинной формѣ участія народа въ управленіи—о генеральныхъ штатахъ. Слово „генеральные штаты“, брошенное однимъ изъ членовъ собранія нотаблей, было подхвачено и стало въ короткое время общественнымъ лозунгомъ. Отовсюду стали раздаваться голоса, требовавшіе созыва генеральныхъ штатовъ. Число голосовъ возрастало съ каждымъ днемъ и требованія ихъ становились все настойчивѣй и настойчивѣй. Правительство, наконецъ, было не въ силахъ противиться требованію общественнаго мнѣнія, и въ 1787 году король Людовикъ XVI рѣшилъ въ 1792 году, т.-е. черезъ пять лѣтъ, созвать генеральные штаты, не созывавшіеся съ 1614 года. Но событія разви-

вались и слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротой и неумолимостью, что вмѣсто 1792 года пришлось созвать генеральные штаты въ 1789 году. Пятаго мая этого года депутаты собрались въ Версалѣ и должны были приступить къ тому дѣлу, ради котораго они были созваны. Но поднялся вопросъ о томъ, какъ имъ совѣщаться — каждому штату, сословію порознь или всѣмъ вмѣстѣ. Генеральные штаты были средневѣковой формой участія народа въ управленіи, когда населеніе было раздѣлено на обособленныя сословія и король имѣлъ дѣло съ каждымъ сословіемъ. Съ этой точки зрѣнія, сословія должны были на генеральныхъ штатахъ дѣйствовать порознь. Но времена измѣнились. Въ концѣ XVIII вѣка сословія еще существовали, но они уже въ значительной степени утратили свой смыслъ. Жизнь вышла за предѣлы сословій, масса населенія оставалась внѣ сословныхъ перегородокъ. И, кромѣ того, сильно разрослось и пріобрѣло большое значеніе третье сословіе, наиболѣе передовое. Понятно, ему было невыгодно оставаться при прежнемъ порядкѣ совѣщаній порознь. Оно имѣло противъ себя два голоса привилегированныхъ сословій (дворянства и духовенства), враждебныхъ ему, и, слѣдовательно, всегда должно было оставаться въ меньшинствѣ.

Вопросъ о формѣ совѣщанія сдѣлался роковымъ. Ни третье ни два первыхъ сословія не пошли на уступки. Они раздѣлились. Третье сословіе заявило,

что ждетъ къ себѣ дворянство и духовенство для совмѣстныхъ совѣщаній... и ждало. Такъ прошелъ мѣсяцъ въ безплодныхъ попыткахъ уладить дѣло. Наконецъ, депутаты третьяго сословія, выведенные изъ терпѣнія, объявили себя національнымъ собраніемъ. Постепенно къ нимъ стали присоединяться представители двухъ другихъ сословій.

Правительство не ожидало этихъ осложненій, оно не было готово, не имѣло въ рукахъ опредѣленнаго плана и достаточной твердости, чтобы направить дѣло. Оно растерялось и упустило нить событій изъ своихъ рукъ. Господиномъ положенія сразу неожиданно сдѣлались народные представители. Національное собраніе быстро превратилось въ учредительное. Совѣщательный органъ сдѣлался единственнымъ распорядителемъ судебъ страны. А тамъ старый порядокъ быстро покатился по наклонной плоскости. Монархія пала и разыгрались извѣстныя всѣмъ сцены великой революціи...

Эта картина далекаго прошлаго невольно приходитъ на память при взглядѣ на современное положеніе Россіи. Мы далеки отъ историческихъ параллелей и еще дальше отъ историческихъ предсказаній. Не дѣло историка предсказывать—историческая наука еще не обладаетъ даромъ пророчества. Но даромъ предвидѣнія она обладаетъ, и потому уроки исторіи слѣдуетъ помнить, особенно тѣмъ, кто претендуетъ на званіе вершителей судебъ народа, чтобы не повторять ошибокъ и не подвергать

страны всѣмъ ужасамъ анархіи. Урокъ французской революціи ясенъ. Съ общественнымъ раздраженіемъ такъ же опасно шутить, какъ съ огнемъ. Политическіе недуги страны надо лѣчить не полумѣрами, а радикальными средствами, и не устарѣвшими, а новѣйшими, изобрѣтенными въ послѣднее время. Между тѣмъ Россію, поставленную многолѣтнимъ бюрократическимъ управленіемъ на край гибели, хотятъ или, по крайней мѣрѣ, предлагаютъ вывести изъ кризиса именно полумѣрой, при помощи учрежденія, извлеченнаго изъ архива, и при сохраненіи существующаго режима. Мы говоримъ о земскомъ соборѣ и его апологетахъ.

Осенью прошлаго года послѣ шести мѣсяцевъ несчастной войны и убійства всесильнаго министра Плеве, когда русская жизнь сказала свой послѣдній аргументъ противъ бюрократическаго режима, то въ правительственныхъ сферахъ произошло какое-то движеніе. На постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ князь Святополкъ-Мирскій, опредѣлившій свое отношеніе къ населенію съ первыхъ же шаговъ непривычнымъ для русскаго обывателя словомъ „довѣріе“. „Довѣріе“ прозвучало какъ кличъ и отдалось тысячеголоснымъ эхо по всей Россіи изъ конца въ конецъ. Русское общество какъ отъ искры все вспыхнуло и на „довѣріе“ отвѣтило довѣріемъ же. На мгновеніе между русскимъ обществомъ и правительствомъ, казалось, установились дѣйствительно отношенія, основанныя на довѣріи, и рус-

ское общество понесло свои нужды правительству. Полились рѣчи, статьи, петиціи, ходатайства. Начались банкеты, собранія, съѣзды. Всѣхъ охватило одно общее желаніе реформировать существующій въ Россіи порядокъ на началахъ политической свободы, при непремѣнномъ участіи самого населенія...

Въ этотъ моментъ кѣмъ-то произнесено было до тѣхъ поръ запретное слово „земскій соборъ", и въ короткое время это слово облетѣло всю Россію и объединило на нѣкоторое время людей противоположныхъ взглядовъ. Земскій соборъ сталъ лозунгомъ освободительнаго движенія, политической платформой. Но объединеніе было кратковременнымъ. Въ пылу общественнаго подъема было забыто разстояніе, отдѣляющее насъ отъ земскихъ соборовъ, и разница въ политическихъ моментахъ. Была забыта исторія. Общество, охваченное жаждой политической свободы, ухватилось за древне-русскую форму ея, дорогую русскому сердцу и давно лелѣянную въ мечтахъ.

Но когда съ почвы общественнаго движенія перешли на почву исторіи, то увидали глубокую разницу между современными требованіями общества и облекшей ихъ формой, т.-е. земскимъ соборомъ. Оказалось, что имъ скорѣе отвѣчаетъ современная же форма—учредительное собраніе, которое и было принято для формулированія политическихъ требованій, а земскій соборъ отвергнутъ. Но земскій соборъ не сошелъ съ современной сцены послѣ

этого. Кромѣ мнимыхъ сторонниковъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, у него оказались дѣйствительные сторонники. Они не случайно ухватились за земскій соборъ,—они сознательно выдвинули его какъ свое политическое credo. Они на самомъ дѣлѣ хотятъ эту форму народнаго представительства перенести изъ XVII вѣка въ XX и выступили уже съ своей программой—манифестомъ въ этомъ смыслѣ, ведутъ агитацію вербуютъ сторонниковъ.

Разумѣемъ здѣсь губернскихъ предводителей дворянства, съѣзжавшихся въ Москвѣ, партію Д. Н. Шипова и различныхъ прожектеровъ, выступавшихъ съ организаціей народнаго представительства на сословныхъ началахъ и въ видѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Если они и не всѣ называютъ предлагаемую имъ форму народнаго представительства „земскимъ соборомъ“, то они всѣ прилагаютъ къ ней эпитетъ „земскій“ и по существу стоятъ именно за земскій соборъ. Они всѣ исходятъ изъ славянофильскаго положенія: правительству — сила власти, землѣ — сила мнѣнія, совѣта, и нѣкоторые при этомъ предлагаютъ сословное представительство по примѣру земскихъ соборовъ. Поэтому мы ихъ всѣхъ позволимъ себѣ назвать сторонниками земскихъ соборовъ или кратко „соборянами“. Они разсчитываютъ на успѣхъ и, на нашъ взглядъ, не безъ основаній. За „соборянами“ пойдутъ всѣ, боящіеся коренныхъ реформъ, постепеновцы и къ нимъ же въ концѣ-концовъ придутъ всѣ друзья суще-

ствующаго режима, отчаявшись въ собственномъ успѣхѣ. Они рады будутъ „до лучшихъ дней“ удовлетвориться замаскированнымъ „старымъ порядкомъ“. Кромѣ того, программа „соборянъ“ очень близка къ не совсѣмъ ясному смыслу Высочайшаго рескрипта 18 февраля, намѣревающагося совмѣстить самодержавіе съ народнымъ представительствомъ.

Въ такомъ случаѣ Россіи грозитъ перспектива остаться при существующемъ режимѣ, замаскированномъ архивной формой народнаго представительства, и испытать на себѣ всѣ тяжелыя послѣдствія полумѣръ. Реставрація отжившихъ формъ государственной жизни, правда, сама себя осуждаетъ на неудачу ихъ, на гибель ихъ. Но гибель не можетъ произойти безъ борьбы, а стало-быть и безъ жертвъ и потрясеній. Какъ это бываетъ, показываетъ приведенная нами въ началѣ статьи картина изъ политической жизни Франціи конца XVIII вѣка. Неужели Россіи тоже суждено пережить (повторить) такую же картину. Неужели нынѣшніе вершители судебъ доведенную ими до крайности, истерзанную Россію толкнутъ еще въ бездну революціи? Нѣтъ, этого нельзя допускать. Нужно отвергнуть всякую мысль о полумѣрахъ. Надо прямо смотрѣть въ глаза дѣйствительности и исполнять ея велѣнія во всемъ объемѣ, не колеблясь. Надо разрушить эти планы „соборянъ“ раньше, чѣмъ они войдутъ въ жизнь, которая будетъ разрушать ихъ дорогой цѣной государственныхъ потрясеній...

Особенность земскихъ соборовъ XVII вѣка — о соборахъ XVI мы не говоримъ, ибо они были пародіей на народное представительство — составляла сословность, совѣщательное значеніе и существованіе по обычаю, а не въ силу писанаго закона. Въ эпоху своего зарожденія и перваго періода существованія земскіе соборы были нѣсколько иными, но въ періодъ своей наибольшей дѣятельности они были именно такими.

Земскіе соборы XVII вѣка возникли въ такъ называемое „безгосударное“ время, иначе сказать, въ смутное время, когда пресѣклась династія Рюриковичей. Верховная власть силой обстоятельствъ перешла въ руки народа, онъ сдѣлался единственнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Народъ, однако, самъ не воспользовался на долгое время верховной властью, онъ передалъ ее своему избраннику-царю — Годунову. Но такъ какъ вновь избранные цари оказывались недолговѣчными, новой династіи не могло установиться и приходилось неоднократно выбирать царей, то въ народѣ укрѣпилось сознаніе о своихъ верховныхъ правахъ и правѣ располагать престоломъ по своему усмотрѣнію. Это сознаніе нашло себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи.

Когда, по разсказу одного литературнаго памятника, къ Василію Шуйскому ворвалась во дворецъ съ шумомъ недовольная толпа, то онъ ей отвѣтилъ слѣдующими любопытными словами:

„Что пришли ко мнѣ, люди, съ шумомъ безтолковымъ? Если хотите убить меня, я готовъ умереть.

Если же хотите меня согнать съ престола и съ царства, то не можете этого сдѣлать, пока не сойдутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди (земскій соборъ) и я съ ними. И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и я готовъ по тому совѣту поступить"...

Конкретно это право народа выразилось, во-первыхъ, не только въ избраніи, но въ низложеніи царя. Василій Шуйскій, дѣйствительно, былъ „согнанъ съ царства", точно такъ же и Лжедимитрій; во-вторыхъ, въ гарантіяхъ политической свободы, въ участіи народа черезъ своихъ представителей въ верховной власти. Избирая царей, земскій соборъ ставилъ извѣстныя условія, на которыхъ они должны были управлять страной. На условіяхъ былъ избранъ Василій Шуйскій, на условіяхъ же былъ избранъ и Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. На какихъ именно—относительно Шуйскаго мы знаемъ документально, относительно же Романова—знаемъ по извѣстіямъ современниковъ. Условій Романова въ подлинникѣ не сохранилось, данная имъ „запись" при вступленіи на престолъ до насъ не дошла. Это дало нѣкоторымъ ученымъ поводъ отрицать совсѣмъ фактъ ограниченія власти перваго Романова. Однако отрицательное отношеніе къ факту едва ли основательно. За существованіе ограничительной записи говоритъ, во-первыхъ, обиліе свидѣтельствъ (цѣлыхъ семь) и, во-вторыхъ, дѣйствительное значеніе земскаго собора въ первые годы царствованія Михаила.

По разсказу Фокеродта объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство, „вельможи составили изъ себя родъ сената, который они назвали соборомъ и въ которомъ засѣдали и имѣли голосъ не только бояре, но также и всѣ другія лица, занимавшія высокія государственныя должности. Они приняли единодушное рѣшеніе—не выбирать въ цари никого, кто не обѣщаетъ имъ клятвенно: предоставить полный ходъ правосудію по старымъ законамъ страны; никого не осудить и не осуждать высочайшей властью; безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самомалѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не избирать своимъ властелиномъ никого, кто принадлежалъ бы къ вліятельной фамиліи и имѣлъ бы много приверженцевъ, съ помощью которыхъ могъ бы нарушить предписанные ему законы и вернуть себѣ снова верховную власть... Царь Михаилъ подписалъ эти условія безъ колебаній, и въ теченіе нѣкотораго времени правленіе велось предписаннымъ образомъ“.

Такимъ образомъ „запись“, данная Михаиломъ, имѣла цѣлью укрѣпить значеніе земскаго собора въ управленіи и сдѣлать его изъ факта обычнаго права нормой писанаго права, закона. О томъ же говорятъ и первые годы царствованія Михаила. Въ это время земскій соборъ былъ постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, и царь, дѣйствительно, безъ

согласія собора не принималъ „самомалѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ“.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, съ пріѣздомъ отца царя, митрополита Филарета, изъ польскаго плѣна все измѣнилось. Возможно, что тогда исчезла и самая „запись“. Какъ бы то ни было, послѣ земскій соборъ изъ нормы, учрежденія, дѣйствующаго въ силу писанаго закона, письменнаго обязательства, даннаго царемъ, обратился въ фактъ обычнаго права, въ учрежденіе, созывавшееся по усмотрѣнію верховной власти. Въ такомъ видѣ земскій соборъ оставался до конца своихъ дней—зависящій отъ прихоти верховной власти или отъ обстоятельствъ, учрежденіе съ совѣщательнымъ значеніемъ. Кто бы ни былъ виноватъ въ судьбѣ земскаго собора XVII столѣтія, но въ первой и во второй стадіи это два различныхъ учрежденія. Въ первой стадіи земскій соборъ близко подходитъ къ тому, что теперь называется учредительнымъ собраніемъ, во второй—къ комиссіямъ свѣдущихъ людей, экспертовъ.

Изъ этихъ двухъ типовъ земскихъ соборовъ XVII вѣка „соборяне“ берутъ худшій, т.-е. во второй стадіи. Соборы безгосударнаго времени и первыхъ лѣтъ царствованія Михаила при всѣхъ недостаткахъ этого рода представительства имѣли нѣкоторыя драгоцѣнныя особенности, необходимыя и съ современной точки зрѣнія. Они предоставляли народу несомнѣнное право участія въ верховной власти, — право, основанное на писаномъ законѣ и

дѣйствовали какъ постоянное учрежденіе. Соборы же послѣдующаго времени сдѣлались учрежденіями обычнаго права, созывавшимися по усмотрѣнію царя и притомъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ. По этому скорѣе можно было бы примириться съ возстановленіемъ первыхъ соборовъ, нежели послѣднихъ, — скорѣе, но совсѣмъ нельзя примириться ни съ тѣмъ ни съ другимъ, ибо это два вида одного и того же рода представительства, пережившаго свое время.

Какъ мы сказали, проектъ „соборянъ“ сближаетъ ихъ съ земскими соборами—сословность и законосовѣщательное значеніе предлагаемыхъ ими органовъ народнаго представительства. Мы настаиваемъ на сословности ихъ проектовъ потому, что даже предлагающіе пріурочить выборы къ существующимъ земскимъ и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ стоятъ на сословной основѣ. Кто же не знаетъ, что земское и городское самоуправленіе въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ сословны. А нѣкоторые прямо вводятъ сословный принципъ въ народное представительство. Такимъ образомъ первое возраженіе должно быть направлено на сословность народнаго представительства.

По словамъ извѣстнаго нашего государствовѣда Б. Н. Чичерина, сословное представительство имѣетъ историческое основаніе въ дѣленіи общества на обособленныя другъ отъ друга сословія и имѣетъ смыслъ только при самодержавіи. Послѣднее су-

ществуетъ для примиренія противоположныхъ сословныхъ интересовъ, и народное представительство, пока существуютъ такія сословія, естественно выражается въ формѣ сословныхъ собраній. Когда же сословныя перегородки рушатся, а это происходитъ неизбѣжно съ развитіемъ жизни, и на мѣсто сословныхъ интересовъ выступаютъ общіе интересы, то сословное представительство должно замѣниться народнымъ. И въ такомъ случаѣ въ соотвѣтствіи съ природой народнаго представительства самодержавная монархія должна замѣниться представительной, конституціонной.

„Введеніе конституціоннаго правленія возможно только при уничтоженіи сословнаго устройства и замѣнѣ его народнымъ представительствомъ. Необходимыя въ самодержавіи сословія становятся неумѣстными въ конституціонномъ порядкѣ, и, наоборотъ, какъ скоро уничтожаются сословія, является потребность замѣнить частныя права общимъ представительствомъ“.

Россія сейчасъ переживаетъ какъ разъ такой переходный моментъ. Когда-то строго обособленныя и замкнутыя по Уложенію царя Алексѣя сословія разомкнулись, и послѣ реформъ Александра II русская общественная жизнь ступила на безсословный путь. Пореформенное время, пережитое русскимъ народомъ, несмотря на неестественную поддержку сословныхъ перегородокъ правительствомъ (относительно дворянства и крестьянства), если и не уничто-

жило совсѣмъ сословій, то въ значительной степени разрушило ихъ и создало огромную массу людей, стоящихъ внѣ всякихъ сословныхъ отграниченій. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ вопросъ объ участіи народа въ законодательствѣ и управленіи, поставленный на очередь, долженъ разрѣшиться въ формѣ народнаго, а не сословнаго представительства. И всякія попытки провести сословное начало въ представительство открыто или въ замаскированной формѣ въ корнѣ ложны и безпочвенны.

„Стараніе воскресить ихъ (сословія) тамъ, гдѣ они пришли въ упадокъ, оживить ихъ новымъ духомъ, возвести ихъ въ систему, замѣнить ими народное представительство есть не болѣе, какъ искусственное возвращеніе къ старинѣ, археологическое мечтаніе, которое должно исчезнуть при первомъ серьезномъ движеніи народной жизни“.

Такое же „археологическое мечтаніе“ представляетъ и возстановленіе совѣщательнаго элемента, свойственнаго лишь сословному представительству и совершенно неуживающемуся съ истиннымъ народнымъ представительствомъ.

Совѣщательныя собранія „принадлежатъ къ младенческимъ эпохамъ государственной жизни, когда власть имѣетъ мало средствъ, а голосъ народа лишенъ возможности проявиться другимъ путемъ“. Они служатъ правительству для освѣдомленія о народныхъ нуждахъ и доставленія матеріаловъ для управленія согласно этимъ нуждамъ. Только эту узкую

цѣль они и могутъ осуществлять. Въ настоящее время, когда существуютъ другія, болѣе совершенныя и вполнѣ доступныя для правительства средства для освѣдомленія—печать, право петицій, мѣстное представительство, созваніе свѣдущихъ людей, — въ такого рода совѣщательныхъ собраніяхъ нѣтъ никакой нужды. Значитъ, съ этой стороны совѣщательныя собранія излишни.

Служить же цѣлямъ народнаго представительства — „обезпеченію правъ и свободы гражданъ“ и „контролю надъ управленіемъ“ — они не могутъ. „Право ограждается только правомъ“. Между тѣмъ народные представители въ совѣщательныхъ собраніяхъ не имѣютъ политическаго права — права участія во власти. Совѣщательное собраніе есть органъ, подчиненный власти, а не самостоятельный и потому не могущій гарантировать ни свободы ни правъ гражданъ. Безправный не можетъ защищать правъ. Всѣ ихъ политическія права сводятся къ критикѣ дѣйствій правительства и подачѣ совѣтовъ ему. Но какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ и политическая мысль, не перешедшая въ дѣло,—пустой звукъ.

Въ проектѣ Шипова и компаніи значатся, какъ политическія права народныхъ представителей, разсмотрѣніе законопроектовъ, обсужденіе государственнаго бюджета, разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ, возбужденіе вопросовъ объ изданіи новыхъ законовъ, запросъ министровъ. Такимъ образомъ, они

мечтаютъ установить контроль надъ управленіемъ. забывая, что совѣщательное собраніе, не имѣя власти, безсильно осуществить контроль надъ управленіемъ. Запросъ министровъ, разсмотрѣніе государственной росписи и отчетовъ только тогда могутъ имѣть реальныя послѣдствія, когда они сопровождаются извѣстными дѣйствіями разсматривающаго и допрашивающаго. Иначе это то же, что простое любопытство. Обязательство по закону отвѣчать на запросъ и давать отчетъ дѣла по существу не измѣняетъ. Управленіе все-таки будетъ итти такъ, какъ его направляетъ рука, имущая власть. И въ результатѣ остается тотъ же абсолютно-бюрократическій режимъ, лишь декорированный народнымъ представительствомъ—мнимымъ, а не дѣйствительнымъ.

„Соборянъ“ въ земскомъ соборѣ прельщаетъ сочетаніе полноты власти монарха съ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ (совѣтомъ), гармонія власти и свободы (совѣта), единеніе монарха со своимъ народомъ при взаимномъ довѣріи, любви и мирномъ служеніи одной, общей цѣли—народному благу. Подобная идиллія если не всегда, то иногда могла быть въ отдаленныя времена, когда, какъ, напримѣръ, у насъ, царь, еще не отдѣленный отъ народа бюрократическимъ средостѣніемъ, стоялъ близко къ народу и между царемъ и народомъ могла чувствоваться нравственная связь. Тогда и земскіе соборы могли имѣть большое значеніе. Въ настоящее же время при господствѣ юридическихъ

отношеній о нравственной связи нечего и думать. Если нравственная связь недостаточна въ частныхъ отношеніяхъ, то тѣмъ болѣе она недостаточна въ государственномъ отношеніи.

Государство есть союзъ юридическій, а не нравственный, слѣдовательно и всѣ отношенія въ немъ должны покоиться на юридическихъ основахъ, на правѣ. Отношенія власти и населенія не должны въ этомъ случаѣ составлять исключенія.

Какъ бы предвидя подобное возраженіе, „соборяне“ облекаютъ совѣщательное представительство въ юридическую форму—дѣлаютъ его дѣйствующимъ постоянно въ силу закона, а не въ силу воли монарха (по его усмотрѣнію) и обставляютъ всѣми акцессуарами современныхъ конституцій, т.-е. всѣми видами свободы—печати, слова, собраній. Но они забываютъ, что всѣ эти виды свободы могутъ существовать лишь при одномъ условіи—при политической свободѣ. Послѣдняя служитъ для нихъ единственнымъ оплотомъ, безъ нея всѣ прочія свободы, что называется, висятъ въ воздухѣ и быстро могутъ исчезнуть. Между тѣмъ политической свободы въ проектахъ „соборянъ“ нѣтъ. Мы говоримъ такъ рѣшительно объ отсутствіи въ проектахъ „соборянъ“ политической свободы потому, что то, что они называютъ этимъ именемъ, не есть политическая свобода. Политическая свобода состоитъ въ правѣ участвовать активно въ государственныхъ дѣлахъ, основанномъ на законѣ. Право же лишь свободно

обсуждать государственные вопросы и разсуждать на политическія темы есть въ сущности свобода слова. Отъ того, что этой свободой слова въ данномъ случаѣ пользуются народные представители и разговоры на политическія темы происходятъ въ стѣнахъ зданія „государственно-земскаго совѣта“, свобода слова не дѣлается политической свободой. Запросъ министерства безъ права требовать отъ нихъ отвѣтственности не есть политическое право, а политическое любопытство. На него министры могутъ и не отвѣтить, а не обратить вниманія уже во всякомъ случаѣ. И если министръ внутреннихъ дѣлъ закроетъ газету или воспретитъ почему-либо собраніе, то вопросъ по этому поводу въ „парламентѣ“ не приведетъ ровно ни къ чему. Свой противозаконный поступокъ министръ объяснитъ особыми соображеніями, даже можетъ сослаться на волю монарха, и представителямъ придется прикусить языкъ. Запросъ сдѣланъ, отвѣтъ полученъ, а свобода печати и собраній фактически уже не существуетъ, упразднена, и у народныхъ представителей нѣтъ средствъ для возстановленія ея. Мало того, они сами, не имѣя участія въ верховной власти, ежеминутно рискуютъ быть упраздненными. Законъ, призвавшій ихъ, можетъ быть отмѣненъ волею того, кто его издалъ.

Не есть ли въ такомъ случаѣ зданіе „соборянъ“ — постройка, созданная „на песцѣ“? Но совѣщательныя собранія, какъ всякая полумѣра, вмѣсто того, чтобы улучшить положеніе, ухудшаютъ его.

Совѣщательныя собранія есть contradictio in re—противорѣчіе въ самой сущности. „Государство имѣетъ цѣль не теоретическую, а практическую: политическая мысль непремѣнно стремится перейти въ дѣло. Поэтому отъ представительнаго собранія нельзя требовать, чтобы оно ограничивалось одною мыслью, не имѣя воли“ (какъ этого хотятъ реставраторы земскихъ соборовъ). Будучи народными представителями по формѣ, депутаты совѣщательныхъ собраній должны стать таковыми и по существу, т.-е. сдѣлаться органомъ народной власти. Пока же это не произошло, создается въ высшей степени ненормальное положеніе.

Совѣщательное собраніе, пользуясь правомъ свободной критики дѣйствій правительства, прежде всего исчерпаетъ до дна это свое право и подвергнетъ весь существующій порядокъ самой безпощадной, убійственной критикѣ. Оно дойметъ правительство запросами, требованіями, заявленіями, протестами и открытымъ выраженіемъ недовольства. Въ результатѣ постоянные конфликты между правительствомъ и народными представителями, грозящіе полнымъ разрывомъ, если не будетъ введено своевременно настоящее народное представительство.

Критика дѣлается ожесточеннѣе, а конфликты острѣе по мѣрѣ того, какъ передъ депутатами все болѣе и болѣе раскрывается ихъ ложное положеніе—полное несоотвѣтствіе высокаго званія съ отведенными имъ правами, лучше сказать, безправіемъ.

Мысль о приведеніи своего положенія народныхъ представителей въ согласіе съ дѣйствительностью, чтобы осуществить на дѣлѣ „волю пославшаго“ ихъ, т.-е. народа, само собой приходитъ тогда въ голову депутата, какъ существенный выходъ изъ ненормальнаго положенія.

„Требованіе права рано или поздно неизбѣжно выскажется въ собраніи, чувствующемъ свою силу. Полагая существенное свое значеніе въ защитѣ народныхъ интересовъ противъ владычества бюрократіи, видя за собою поддержку цѣлаго общества, оно непремѣнно станетъ просить правъ для исполненія своей задачи. Всякая власть, по самой своей природѣ, стремится увеличить свое значеніе, расширитъ свои права. Выборное собраніе, обезпеченное довѣріемъ избирателей, будетъ видѣть въ себѣ настоящаго представителя народа. Чѣмъ меньше его права, тѣмъ больше будутъ его притязанія“.

Какихъ размѣровъ могутъ достигать эти притязанія и чѣмъ могутъ кончиться конфликты между народными представителями и правительствомъ, показываетъ исторія послѣднихъ французскихъ генеральныхъ штатовъ.

Такимъ образомъ „соборяне“ оказываютъ довольно плохую услугу и правительству и населенію. Правительству они навязываютъ постоянныхъ, безпокойныхъ и злыхъ критиковъ, близко стоящихъ къ власти и съ завистью смотрящихъ на нее, организованное недовольство и раздраженіе. Едва ли кто

станетъ сомнѣваться, что подобное учрежденіе правительства, кромѣ помѣхи, ничего не создаетъ, оно, дѣйствительно, по чьему-то остроумному выраженію, будетъ пятымъ колесомъ въ бюрократической колесницѣ. А населеніе „соборяне“, предлагая реставрацію земскаго собора, толкаютъ на путь революціи.

Мы нарочно аргументировали все время словами покойнаго Чичерина. Этотъ человѣкъ всегда стоялъ внѣ партій—не даромъ на него ссылаются представители различныхъ партій—и слова его есть слова безпристрастнаго судьи, обладающаго при этомъ глубокимъ знаніемъ предмета въ жизни.

Мы не допускаемъ, чтобы сторонники совѣщательныхъ собраній, въ средѣ которыхъ находятся профессора исторіи и юристы, не обладали государственнымъ смысломъ или, по крайней мѣрѣ, знаніемъ элементарныхъ государственныхъ истинъ. И если они, однако, настаиваютъ на проектахъ, грѣшащихъ противъ этихъ истинъ, то, очевидно, они руководствуются другими посторонними соображеніями не общегосударственнаго характера, а партійными. Пусть же находящіеся въ ихъ средѣ профессора-историки предупредятъ ихъ отъ увлеченія партійными цѣлями, ибо общенародный интересъ прежде всего. Исторія не повторяется. Но комбинаціи историческія повторяются. И когда комбинація начинается „Версалемъ“, то она, весьма вѣроятно, можетъ кончиться „Тюльери“.

Москва,
20 апрѣля 1905 г.